

Ш. АННАКЛЫЧЕВ

НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ БЫТА РАБОЧИХ-НЕФТЯНИКОВ НЕБИТ-ДАГА

На современном этапе развития советской этнографической науки одной из главных задач этнографов является изучение быта рабочего класса разных национальностей. Это важно не только из-за многих его особенностей по сравнению с бытом колхозного крестьянства, но и потому, что рабочий класс является в нашу эпоху передовым классом общества. Однако до сих пор для изучения жизни рабочих этнографами как в нашей стране, так и за границей пока еще сделано очень мало. Труды, написанные советскими учеными до Великой Отечественной войны, были посвящены в основном истории формирования рабочего класса. В первые послевоенные годы были сделаны отдельные попытки изучения социалистической культуры рабочего класса на основе историко-этнографических материалов¹. Но эта тема не нашла должного отражения в имеющихся публикациях.

На этнографических совещаниях 1951 и 1956 гг. было обращено особое внимание на необходимость изучения рабочего быта, и уже с 1953 г. стали появляться исследования, посвященные разработке этой темы². В настоящее время изучение быта рабочих занимает все большее место в трудах этнографов нашей страны и некоторых стран народной демократии (Чехословакия, Венгрия).

Изучение путей развития культуры и быта рабочих особенно важно в таких национальных республиках, как Туркмения, где рабочий класс сформировался лишь после победы Октябрьской революции, так как в дореволюционный период Туркмения была отсталой, аграрной колониальной окраиной царской России. Настоящая статья, написанная на основе полевых этнографических материалов, является первой попыткой исследования истории формирования коллектива туркменских нефтяников Небит-Дага и их быта³.

Историю формирования коллектива рабочих-нефтяников Небит-Дага можно разделить на три этапа: с 1927 по 1941 г.; годы Великой Отечественной войны; с 1945 г. по настоящее время.

Промышленная разработка нефти на Небит-Дагском месторождении производилась с 1882 г. русскими нефтепромышленниками Коншиным,

¹ Н. Н. Чебоксаров, Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих, «Сов. этнография», 1950, № 3.

² В. Ю. Крупянская, Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX в., «Сов. этнография», 1953, № 1; А. И. Робакидзе, Некоторые стороны быта рабочих Чнатурской марганцевой промышленности, Тбилиси, 1953; А. С. Кунцкий, Социалистический быт рабочих Ворошиловградского завода им. Октябрьской революции, Автореферат кандидатской диссертации, Киев, 1953; А. Г. Трофимова, Бакинские рабочие-нефтяники, Рукопись кандидатской диссертации, М., 1954, и др.

³ Материалы собраны автором в 1956 и 1957 гг. при подготовке кандидатской диссертации.

Симоновым и представителями Закаспийской военной железной дороги. Однако неблагоприятные природные условия Небит-Дага (продолжительное, чрезвычайно жаркое и ветренное лето), неэффективность результатов проводимых разведочных и эксплуатационных работ при весьма малом количестве получаемой нефти и ряд других причин привели к полному прекращению добычи нефти в 1887 г. Надежды нефтепромышленников не оправдались, ибо они рассчитывали израсходовать значительные средства и получить колоссальные прибыли.

Поэтому история рабочих-нефтяников Небит-Дага начинается по существу со времени возобновления буровых работ на Небит-Дагском месторождении уже в советское время — в 1927 г.

В начальный период нефтяная промышленность была слабо обеспечена квалифицированными кадрами. Национальных кадров не только на Небит-Дагском промысле, но и на Челекене, где, по документальным данным, добыча нефти производится с начала XVIII в., почти не было, если не считать нескольких десятков рядовых рабочих. Для примера укажем, что в 1925/26 отчетном г. на нефтепромыслах Туркмении работало всего 185 чел., в 1926/27 г. — 184, в 1927/28 г. — 190, а на 1 января 1929 г. — 193 чел.⁴

Туркмен, поступавших на нефтяные промыслы, сначала использовали как подсобных рабочих, затем их прикрепляли к более опытным нефтяникам в качестве учеников. Опытные мастера — русские, азербайджанцы, работавшие на промыслах, постоянно передавали свой опыт рабочим туркменам. Так, геолог треста «Туркменбурнефть», украинец по национальности, Иван Никитич Алифан — один из старейших работников нефтяной промышленности Туркмении, в 1936 г. по путевке приехал в Небит-Даг и с тех пор обучил и подготовил десятки высококвалифицированных нефтяников из среды туркмен. Один из его учеников — геолог Аширов сам сейчас работает на Челекенском месторождении. Бывший колхозник Ш. Дурдыев 19 лет назад приехал в Небит-Даг, под наблюдением И. Н. Алифана с каждым днем повышал свои знания и стал квалифицированным мастером подземных работ.

Воспитанником И. Н. Алифана был и Сатлык Удаев. Он принадлежит к туркменской группе иомудов-джафарбайцев. Сатлык родился в 1901 г. в местности Огланлы, неподалеку от Небит-Дага. Отец его работал батраком (ойденчи) у Избасак-бая, затем в течение 12 лет — пастухом у местного суфи Ханмурадсопы; умер он в 1916 г. Мать Сатлыка тоже родилась в Огланлы; долгое время ей приходилось работать ковровщицей у местных баев. После смерти мужа она с двумя детьми перешла в дом своего брата. Но и здесь ее ожидала, как и всех молодых вдов того времени, горькая жизнь. Когда ее вторично выдали замуж, то лишили детей, так как обычно, когда вдова выходила замуж за чужого, ее детей оставляли при родственниках умершего мужа. Семья дяди, где жил Сатлык, была бедная, и ему пришлось с раннего возраста зарабатывать себе кусок хлеба. Один из баев — Аннадурды-бай поручил 16-летнему Сатлыку пасти свое стадо — около 800 голов. Заработок мальчика был настолько ничтожен, что за десять лет работы у бая он не мог даже приобрести себе что-либо новое из одежды. В 1927 г. Сатлык работал возчиком на строительстве; там же был и его дядя, потом — по добыче соли, на заготовках дров. В конце 1933 г. он приехал в Небит-Даг на нефтяной промысел. С этого времени начинается его трудовая жизнь рабочего-нефтяника — сначала, в течение двух лет, в качестве рядового рабочего. С каждым годом повышая квалификацию, уже в 1938 г. он стал помощником бурильщика. За месяц до начала Великой Отечественной войны ему присвоили звание бурильщика, а с 1 мая 1949 г. по

⁴ Н. Завадский, Итоги республиканской промышленности, «Туркменоведение», Ашхабад, 1929, № 4, стр. 9.

настоящее время он работает буровым мастером. Как и некоторым другим туркменам, кадровым нефтяникам, Сатлыку Удаеву не пришлось в свое время получить образование, но благодаря упорному труду, повседневной помощи товарищей ему удалось достигнуть успехов в работе. В настоящее время имя бывшего пастуха широко известно не только среди нефтяников Туркмении, но и за ее пределами. В промысловых конторах вывешены плакаты, призывающие нефтяников к внедрению в производство опыта мастера Сатлыка Удаева. Он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовую доблесть», почетной грамотой нефтяной промышленности СССР, девятью почетными грамотами объединения «Туркменнефть», в 1952 г. по приказу Министерства нефтяной промышленности ему было присвоено почетное звание «Лучшего бурового мастера» СССР. Сатлык Удаев — депутат поселкового, городского и областного Советов депутатов трудящихся, заседатель народного суда, член пленума ЦК профсоюзов работников нефтяной промышленности Туркменской ССР и СССР. За годы работы на промыслах он подготовил 25 нефтяников; среди них есть туркмены, татары, казахи, русские и другие.

Показательна и жизнь бурового мастера Акойли Дурдыниязова, который одним из первых среди местных туркмен поступил на промыслы. Акойли принадлежит к той же группе иомудов-лжафарбайцев. Предки его жили в местности Аккуйы, расположенной в Каракумах, на расстоянии около 100 км от станции Джебел. Основным занятием родителей Акойли и их предков было скотоводство. Трудовая деятельность Акойли началась с 1919 г., когда ему было всего 10 лет. Вначале он был помощником (чолук) старшего брата — пастуха у одного из баев. В 1927 г. Акойли отказался пасти байские стада и поехал в Небит-Даг. Здесь он был подсобным рабочим, наливальщиком цистерн, а затем работал у механического насоса, но всегда внимательно приглядывался к работе бурильщиков. Вскоре, учитывая его склонность к этой профессии, его перевели на буровую. В 1937 г. он стал одним из первых бурильщиков среди туркмен на Небит-Дагском промысле, а спустя девять лет получил звание бурового мастера. Акойли Дурдыниязов занимал многие ответственные должности в нефтяной промышленности: был заместителем директора буровой конторы, с 1949 по 1954 г. — заместителем управляющего трестом «Туркменнефтеразведка», затем — директором по подготовке новых нефтяных площадей, а с начала 1956 г. — начальником буровой площадки на промысле. Правительство наградило Дурдыниязова двумя орденами Ленина, орденом Знак почета, медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». За это время Дурдыниязов учился у других и учил сам, воспитав и подготовив десятки нефтяников-бурильщиков различных национальностей.

Сходный жизненный путь прошли многие кадровые нефтяники-туркмены: буровой мастер Хаджимамед Культаров, бурильщики Аннамамед Байрамкулиев, Язмамед Шерипов и другие.

Управление «Туркменнефтьтреста» с первых же дней образования (1930) организовало курсы по обучению русскому языку рабочих-туркмен и туркменскому языку — рабочих других национальностей. Эти мероприятия способствовали быстрому освоению процессов добычи нефти рабочими различных национальностей. С развитием добычи в Небит-Даге, а особенно с 1933 г., с каждым днем увеличивалось число нефтяников-туркмен. Жители близлежащих туркменских аулов группами приходили к Небит-Дагу работать на промыслах. Именно тогда началось тяготение туркменского населения к нефтяным промыслам Небит-Дага, ибо третий по счету мощный нефтяной фонтан в Небит-Даге, забивший 30 января 1933 г., окончательно определил перспективность этого месторождения. В результате этого численность рабочих на промыслах «Турк-

меннефтетреста» в том же году увеличилась по сравнению с предыдущим годом с 735 до 1500 чел., в основном за счет местного населения⁵.

Большое значение в деле подготовки национальных кадров имели различные курсы, организованные Управлением «Туркменнефтетреста», а также школы ФЗО Азербайджанской ССР, куда были направлены сотни юношей-туркмен. В августе 1939 г. был организован Небитдагский нефтяной техникум, существующий и поныне, а в 1940 г. — ремесленное училище, сыгравшие большую роль в деле обеспечения нефтяных промыслов квалифицированными кадрами. В годы Великой Отечественной войны многие нефтяники были мобилизованы в ряды Советской Армии. На место ушедших на фронт пришли их жены, братья, отцы, сыновья. Кроме

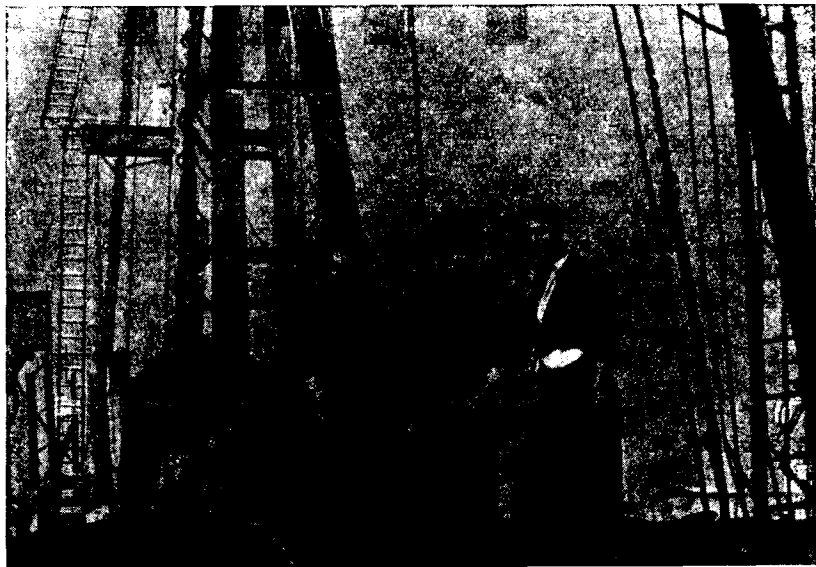

Рис. 1. Молодые нефтяники-туркмены, выпускники Небитдагского ремесленного училища, на производстве (1956 г.).

Фото автора

того, ряды нефтяников Туркмении пополнили рабочие из других союзных республик. Только в конце 1942 г. из Баку в Небит-Даг прибыло более 300 нефтяников, среди них русские, украинцы, татары, азербайджанцы, армяне. Быстро осваивали также специальности нефтяников рабочие других профессий и служащие, эвакуированные с Украины, из Белоруссии и других районов страны.

После окончания Великой Отечественной войны значительно возросло число рабочих-нефтяников, туркмен по национальности, приехавших в Небит-Даг из разных районов республики. Этому способствовало обнаружение в 1949 г. нефти в Кум-Даге, расположенном в 42 км к югу от Небит-Дага. За годы четвертой пятилетки численность рабочих-туркмен возросла в 3,5 раза⁶. За один 1951 год приняли на работу 1991 человек⁷. Среди рабочих, поступивших на нефтяные промыслы в этот период, были и мои информаторы — операторы: А. Артыков, у которого отец и деды (с отцовской и материнской стороны) были рыбаками,

⁵ Архив объединения «Туркменнефть», г. Небит-Даг, ф. 1, д. 270, оп. 2.

На 1 октября 1957 г. количество работников нефтепромысловых предприятий объединения «Туркменнефть» достигло уже 15 728 чел. из них 4001 туркмен.

⁶ См. Т. Г. Самедов, Туркменский народ в борьбе за выполнение четвертой пятилетки, Автореферат кандидатской диссертации, М., 1953 стр. 7.

⁷ Архив объединения «Туркменнефть», г. Небит-Даг, ф. 1, д. 188, оп. 2.

животновод в прошлом А. Аннакулиев, его брат — мастер подземного ремонта Аман Аннакулиев, инженер-нефтяник Чары Атабаев и многие другие.

Подготовка рабочих и инженерно-технических кадров для нефтяной промышленности шла разными путями. Большинство кадровых рабочих-туркмен — в прошлом скотоводы, земледельцы и рыболовы — начали свою работу на нефтяных промыслах, не имея теоретических и практических навыков, специального образования. Большое значение в приобретении ими различных специальностей, как уже было сказано, имели хорошо организованные курсовые, бригадные, индивидуальные учебные занятия, проводившиеся на промыслах, а также помощь кадровых нефтяников других национальностей.

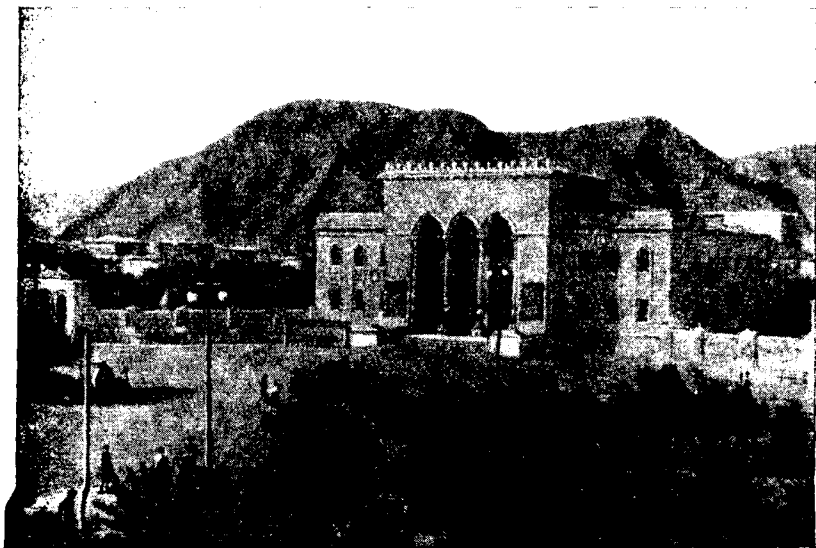

Рис. 2. Дворец культуры нефтяников Небит-Дага

Организованные в самом Небит-Даге и в Ашхабаде ремесленные училища, школы ФЗО, техникумы, учебные курсовые комбинаты, высшие учебные заведения Баку, Грозного, Москвы, Ленинграда, Ташкента и ряда других городов также готовили высококвалифицированных нефтяников для Туркменской республики. Начиная с третьей пятилетки, число нефтяников возросло в основном за счет молодежи, которая благодаря общему образованию за короткий срок специального обучения достигла больших успехов.

Таким образом, одной из важных особенностей рабочего класса Туркмении, и в частности коллектива рабочих-нефтяников Небит-Дага, по сравнению с рабочими промышленных центров РСФСР и ряда других республик нашей страны, является то, что это — молодой рабочий класс, сформировавшийся за годы Советской власти на территории прежней колониальной окраины, в значительной части из местного населения, в результате последовательного проведения ленинской национальной политики и забот Советского правительства.

Формирование кадров рабочих-нефтяников в относительно короткий срок привело к тому, что в среде рабочих еще устойчиво сохраняются не только национальные особенности культуры и быта, но даже некоторые черты бытового уклада, свойственного бывшим племенным группам туркмен — иомудов, атабайцев, джафарбайцев и др. Это особенно заметно при изучении обычаев и обрядности, сохранившихся в семейном

быту рабочих-туркмен. Но в основном их материальная и духовная культура претерпела значительные изменения. Резче всего это сказалось на типе поселений и жилищ. Вместо маленьких разбросанных аулов, состоявших из нескольких юрт родственных семей скотоводов⁸, возникли рабочие поселки и города, хотя еще в конце 1930-х годов преобладающим типом жилища рабочих-туркмен по-прежнему оставалась юрта. В связи с этим и возник так называемый аул № 1, или, как его обычно называют, Казахаул, примкнувший к Небит-Дагу с южной стороны. Название присвоено этой части города потому, что, когда в 1933 г. перенесли рабочий поселок со станции Джебел и старого Небит-Дага в новый Небит-Даг, в Казахаул первыми переселились рабочие-казахи, а также семьи казахов-скотоводов из близлежащих местностей. С северной стороны к городу примкнул так называемый аул № 2, или, как его обычно называют, Туркменаул, возникший так же, как и Казахаул.

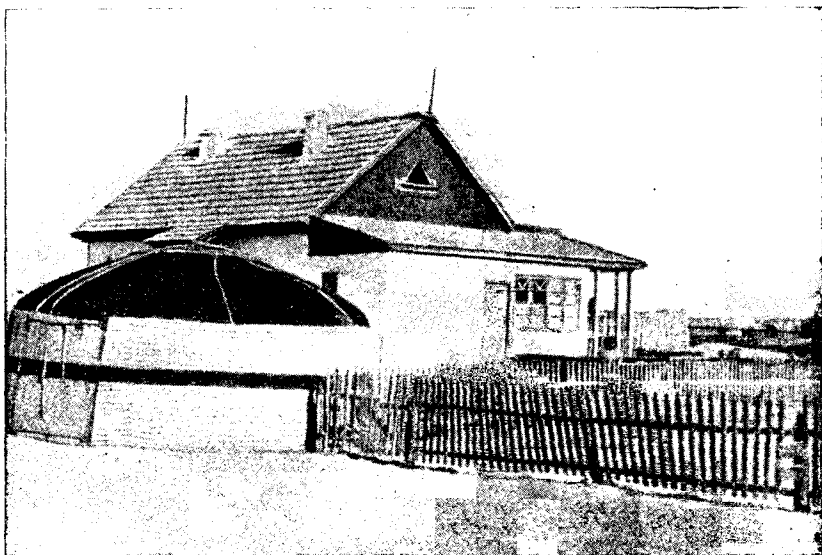

Рис. 3. Дом нефтяника-туркмена. Рядом с домом — юрта, сохраняющаяся как подсобное помещение

Фото автора

Строительство обоих пригородов осуществлялось стихийно, и нормы планировки, застройки не соблюдались. Поэтому в Казахауле большинство домов построено вплотную друг к другу, а вместо улиц там тропинки. Туркменаул отличается от Казахаула лишь тем, что здесь дома не примыкают друг к другу.

Одной из причин сохранения этих пригородов является то, что часть рабочих, которые населяют их, воздерживаются от перехода в коммунальные дома, построенные в городе, так как многие семьи нефтяников продолжают по старой привычке содержать домашний скот и даже верблюдов; проживание на окраине города представляется им поэтому более удобным. Юрта в настоящее время еще остается одним из видов жилища в сельских местностях, расположенных вблизи Небит-Дага, соприкасаясь и там благоустроенному дому. Но в быту рабочих юрта совершенно утратила прежнее значение, сохраняясь лишь как подсобное помещение.

⁸ В конце XIX — начале XX в. население аулов, расположенных вблизи современного Небит-Дага, в основном занималось скотоводством.

Домá в пригородах — каменные, из сырцового кирпича (размером $40 \times 20 \times 15$ см) местного производства, деревянные, каркасные. Преобладает двускатная кровля, но встречается и плоская (усти ясы-там); та и другая обычно покрыты шифером, асбофанерой и толем.

Жилые дома в Небит-Даге и в его пригородах обычно двухкомнатные; как правило, теперь нет прежнего деления жилища на женскую и мужскую половину, существовавшего еще в 1930-х годах. Первая комната (агыз-там) служит одновременно прихожей, столовой, спальней; во второй комнате — (дуйпки ой), богаче убранной, принимают гостей.

Когда в 1933 г. основали новый Небит-Даг, дома для рабочих строили поспешно. Они большей частью были деревянные сборные; участков

Рис. 4. Жена мастера-нефтяника Якуба Велиева за приготовлением пищи в кухне «аш-ой»

Фото Ю. А. Аргиропуло

для подсобного хозяйства рабочих не отводилось. В домах ставили железные печи, которые топили дровами и углем. Внутренняя обстановка дома мало отличалась от обстановки юрты; столы, стулья, кровати и другая мебель встречались редко. Освещали дома керосиновыми лампами.

С ростом добычи нефти и увеличением населения Небит-Дага быстрыми темпами росло и строительство новых жилых домов. Наряду с прежними двухэтажными деревянными домами стали строить одноэтажные — для одной-двух семей, а также кирпичные двухэтажные восьми-квартирные. С 1945 г. город стал лучше обеспечиваться водой. Рабочим начали отводить участки под сады и огороды. С 1950 г. расширилось строительство домов из камня — «гюша», привозимого из Красноводска. В настоящее время в Небит-Даге почти все дома строят из этого камня и жженого кирпича. Строители Небит-Дага, учитывая естественные условия района, возводят дома с верандой или балконами, дающими тень и отчасти защищающими жилье от пыли, приносимой ветрами.

В 1952 г. в Небит-Даг был проведен газ, и это окончательно вытеснило из быта неудобные железные печи. Они сохранились лишь в кварталах, расположенных в пригородах, куда газ еще не проведен, а также

в сельских местностях вблизи Небит-Дага. Газ обходится жителям Небит-Дага в 10 раз дешевле, чем саксаул.

Лишь в немногих квартирах рабочих еще сохраняются керосиновые лампы; везде, за исключением некоторых домов пригорода, имеется электрическое освещение.

С улучшением жилищных условий туркменских нефтяников изменилось и внутреннее убранство рабочих квартир. Прежде всего, важно отметить чистоту, поддерживаемую в них, несмотря на постоянно дующие в этом районе ветры, несущие в большом количестве пыль и песок.

Уже в начале 1940-х годов в домах многих рабочих-туркмен можно было встретить современную городскую мебель: никелированные кровати, столы, стулья, этажерки для книг; однако в большинстве туркменских и казахских рабочих семей до сих пор, по старой традиции, предпочитают спать и сидеть на полу (в особенности старшее поколение и женщины). Нередко встречаются туркменские семьи, у которых так сильны еще старые привычки, что даже школьники готовят уроки, располагаясь на ковре или кошке, хотя у них есть полная возможность заниматься за столом.

В настоящее время нет в Небит-Даге туркменских рабочих семей в квартирах которых не было бы радиорепродукторов или радиоприемников, патефонов, швейных машин, электрических и чугунных утюгов (раньше туркмены белье не гладили). В некоторых семьях имеются пылесосы, вентиляторы, холодильники. Эти новые предметы домашнего обихода распространены и среди населения пригородов Небит-Дага — Казахаула и Туркменаула, а также среди сельского населения его окрестностей. В условиях тесного общения и дружбы с другими национальностями в многонациональной среде рабочих-нефтяников постепенно вырабатываются некоторые общие формы быта. Так, влияние на быт рабочих туркмен русской и азербайджанской культуры особенно сказывается в убранстве квартир. В свою очередь, некоторые черты туркменской национальной культуры (в частности, ковры) входят в быт рабочих других национальностей.

Следует отметить, что в быту рабочих-туркмен сохранился и комплекс старинных предметов домашнего обихода, особенно — у рабочих, живущих в Казахауле и Туркменауле. Это — ковровые мешки для хранения одежды (чувал), ковровые сумки, в которые кладут ложки и другие мелкие предметы (торба), деревянные бочки (челек), ступки (соки), ручные мельницы (даш дегирмен), чугунные котлы (газан), бурдюки, гребни для чесания шерсти (юн дарак) и пр.

При изучении поселений выявляется, что в быту рабочих-туркмен еще не окончательно изжито расселение по признаку принадлежности в прошлом к тому или иному племени или роду. Так, почти все семьи туркмен-текинцев в Казахауле, приехавших в разное время, населяют его юго-западную окраину; большинство семей туркмен-иомудов в Туркменауле живут компактно. В остальных частях Небит-Дага, однако, это особенность расселения уже изжита.

Полукочевой образ жизни туркмен этого района западной Туркмении в прошлом не давал возможности расширять ассортимент пищевых продуктов. В основном употреблялись пшеница, ячмень, джугара, мясо (баранина, говядина, верблюжатина) и молочные продукты; таким же оставалось питание туркмен-рабочих и в 1930-х годах. В настоящее время стали употреблять много привозных (из южных районов республики) овощей и фруктов, а также других покупных продуктов. Общение с семьями рабочих других национальностей, приехавшими в Туркмению, оказало заметное влияние на питание рабочих-туркмен. В их семьях стали готовить украинский мясной борщ, зеленые щи, котлеты, салат из огурцов и помидоров; от казахов переняли «бешбармак», употребление чая с молоком; от азербайджанцев — «доломо» (голубцы) и т. д. В свои

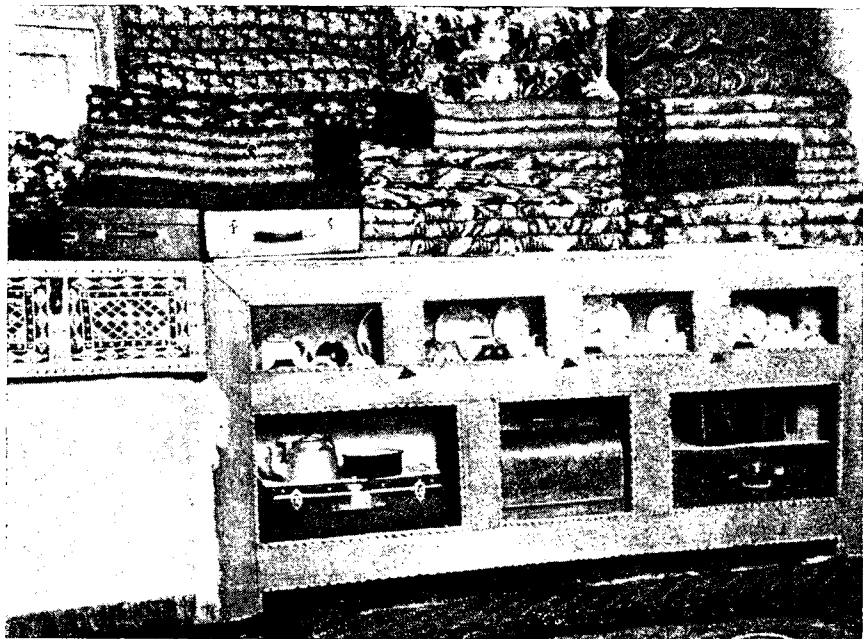

Рис. 5. Уголок в доме рабочего-нефтяника: «дукан» (букв. «магазин») — шкафчик для хранения домашних вещей; наверху сложены постельные принадлежности; рядом на столике — деревянный с инкрустацией алюминием сундучок — «сандык» работы местного кустика

Фото Ю. А. Аргиропуло

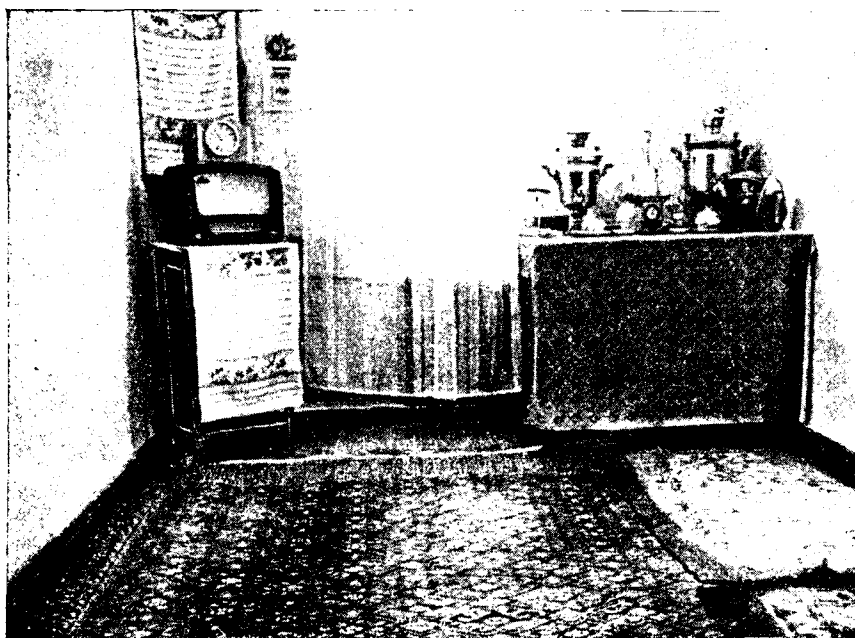

Рис. 6. Уголок в доме мастера-нефтяника Якуба Велиева. На полу иомудские палас и кошма; на стене и на столике украинские вышивки

Фото Ю. А. Аргиропуло

очередь любимыми блюдами в семьях русских и украинцев стали восточные кушанья — «кебаб», «шашлык», «пити» и др.

Изменился также ассортимент посуды. В семьях рабочих-туркмен уже редко встречаются старинные блюда из дерева (чанак) и деревянные ложки (чемче), широко бытующие еще среди туркмен сельских местностей, расположенных вблизи Небит-Дага. В прошлом мужчины и женщины — члены туркменской семьи — принимали пищу отдельно, причем женщины, независимо от возраста, получали меньшую долю, чем мужчины; в настоящее время такое обособление уже не существует в повседневном быту, хотя соблюдается еще во время некоторых обрядовых трапез (на свадьбах, похоронах). В Небит-Даге и на промысловых участках хорошо организована сеть общественного питания.

Заметная перемена произошла и в одежде туркмен — жителей Небит-Дага, особенно мужчин. Старинные длинные мужские халаты (дон), большие мохнатые шапки (телпек) были неудобны при работе на промыслах. Это являлось одной из главных причин того, что их переставали носить. Мужчины, поступив на промыслы, начинали носить на работе производственную фабричного изготовления одежду и постепенно отвыкали от традиционного костюма.

В настоящее время все рабочие-туркмены носят городской костюм, за исключением части пожилых людей, сохранивших еще некоторые элементы старинного национального костюма; к ним относятся мохнатая папаха, рубахи (сопы яка и чяк яка) и штаны (джульбар, балак) старого покроя.

Ворот рубахи (сопы яка) — без стойки, с круглой горловиной, продолженной горизонтальными разрезами на плечах; его обшивают полоской какой-нибудь ткани и завязывают тесемкой (яка юп). Рубаху «чяк яка», которую прежде носили юноши и мужчины среднего возраста, обычно кроили с застежкой на правой стороне груди; вертикальный разрез ворота обшивали той же тканью, из которой шили рубаху, и стягивали его у шеи двумя тесемками, пришитыми по обоим краям ворота, или застегивали на пуговицу. Мужские штаны кроили из целого куска ткани; между двумя штанинами, в верхней части их, вшивали прямоугольный, иногда квадратный кусок ткани. Их шили вверху широкими, преимущественно из синей или черной полосатой ткани. Суживаясь книзу, они доходили до щиколотки. Аналогичен и покрой женских штанов. Низ штанины обычно отделывали каймой, называемой «чуйдже бурун» (цыплячий нос). Праздничные штаны (кырызы балак) шили из шелковой ткани местного кустарного производства.

Редко встречается теперь старинная обувь — «елкен» и «чарык». Елкен делают из толстой обработанной кожи, вырезая только подошвы с одним отверстием в их передней части и с двумя отверстиями по бокам, через которые пропускают шнурок, привязывая обувь к ноге. Чарык шьют из прямого куска сыромятной бычьей или верблюжьей шкуры шерстью наружу, загнув и сшивая два передних угла в виде мыса. По краям делают петельки вокруг всего чарыка и, продергивая в них крепкий шнур из верблюжьей или бараньей шерсти, стягивают ее и обматывают вокруг ноги.

Многие молодые туркмены носят кубанки и ушанки из серых и черных каракулевых шкурок (их носят и рабочие других национальностей). За последнее время любимой рубахой мужчин стала украинская «гуцулка», которую носят не только туркменские, но и армянские, азербайджанские, русские юноши; носят ее также женщины и девушки, кроме казашек и туркменок.

Что касается женской одежды, то она с 1930-х годов не претерпела больших изменений ни в покрое, ни в цвете. Если до недавнего времени основным материалом для женской одежды служили ткани домашнего производства, то в настоящее время ее шьют исключительно из фабрич-

ных тканей. Как и мужчины, женщины стали носить фабричную обувь. Верхней одеждой у большинства молодых туркменок служит обычно пальто городского покроя, хотя и сохранились старинные халаты. Интересно, что национальную одежду в некоторых случаях частично изменяют, делая более удобной для работы. Например, женщины носят платья намного короче, чем раньше, в край рукава продевают резинку. Белье стало обычной частью одежды. Интересно отметить появление физкультурного костюма — майки и шаровар у учениц. Однако, несмотря на все эти изменения, в женском костюме прочнее держатся национальные формы, чем в мужском.

При изучении семейного быта туркмен необходимо учитывать, что у многих из них еще живы представления о принадлежности их к определенному родоплеменному подразделению. В прошлом туркменский народ состоял из множества родов (уруг) и родовых подразделений (тире), которые входили в состав тех или других племенных групп (тайфа). Среди них устойчиво сохранялись старые родовые традиции, унаследованные от предыдущих этапов развития их общественного строя. Каждая родовая группа имела одного или нескольких главенствующих лиц, которых называли «яшулы» (старшина), «аксакал» (буквально — белобородый). Аналогичные названия носили лица, возглавлявшие тире, члены которых считались потомками одного предка, т. е. кровными родственниками. Каждая семья имела своего главу — «машгала яшулысы» (старшина семьи), «ой аксакалы» (буквально: белобородый дома). Каждое тире и каждый уруг имели определенное название и отличительные знаки (тагма), используемые при клеймении скота. До сих пор сохраняются в памяти пожилых рабочих предания о предках и предводителях своего тире, история которого обычно насчитывает пять-шесть поколений. Многие помнят и предания о происхождении своего уруга.

В конце XIX — начале XX в. у иомудов западной Туркмении была распространена большая семья, хотя наряду с ней существовала и малая семья. В настоящее время семья туркмен-рабочих обычно состоит из супружеской пары и детей, но встречаются иногда и неразделенные семьи, включающие родителей, братьев и сестер мужа и жены.

Еще в 1930-х годах семейный уклад туркмен-рабочих почти не отличался от бытового уклада скотоводов, рыболовов, земледельцев, из среды которых они вышли. Еще недавно, занимаясь сельским хозяйством в привычной замкнутой среде своих сородичей и близких родственников, туркмены на нефтяных промыслах столкнулись с совершенно новыми условиями производства. Им впервые пришлось работать совместно с рабочими не только других этнографических (племенных) групп, но и других национальностей. Среди рабочих-туркмен в те времена еще крепко держались пережитки старых патриархальных порядков и влияние мусульманской религии. Часть членов их семей по-прежнему продолжала заниматься сельским хозяйством, особенно скотоводством, и рабочие не теряли с ними связь. Враждебные элементы в первые годы Советской власти усиленно убеждали их не работать на промыслах, не доверять рабочим других национальностей, пытались разжечь национальную рознь. Понадобилась огромная воспитательная работа, в первую очередь партийных организаций, чтобы преодолеть это. Не меньше трудностей встречалось и на пути преобразования семейной жизни.

В туркменской семье главенство принадлежало старшему по возрасту мужчине; в его руках находилась судьба каждого члена семьи. В особо тяжелом и приниженном положении находились женщины. Туркменка, жизнь которой была опутана дикими средневековыми обычаями и правилами, установленными исламом, во всех отношениях была зависима от мужчины. Она не могла заниматься общественно-по-

лезным трудом, и длительное время на промыслах Небит-Дага не было ни одной туркменки.

Мероприятия Советской власти, направленные на раскрепощение женщины, привели к большим изменениям в туркменской рабочей семье. В настоящее время в Небит-Даге нет такого участка хозяйственного и культурного строительства, где бы не работали туркменки.

Если в дореволюционной Туркмении не было ни одной грамотной женщины-туркменки, то в настоящее время только в Небит-Даге и его окрестностях учатся в разных учебных заведениях более тысячи туркменок; женщины и девушки туркменки работают преподавателями, директорами школ, многие из них имеют высшее образование⁹. На предприятиях Небит-Дага насчитывается 200 женщин-туркменок¹⁰. Всей республике хорошо известны имена операторов по добыче нефти — депутата поселкового совета Халлыгозель Аннамурадовой, окончившей Азербайджанский индустриальный институт, и Хаджибиби Артыковой, замерщицы Патмы Тойлиевой, мастера по добыче нефти Эне Шараповой, инженера Эджегыз Бабаевой и многих других женщин, работающих на нефтяных промыслах. Семь туркменок работают в Небитдагском филиале Всесоюзного научно-исследовательского института нефти.

При изучении семейной жизни туркменских рабочих выявляются многие факты, свидетельствующие о дружественных отношениях туркмен с семьями рабочих других национальностей. Об этом свидетельствует и то, что теперь нередко встречаются смешанные браки туркмен, особенно с украинцами и русскими. Сейчас не бывает такой свадьбы, как и общественных праздников, в которых не участвовали бы совместные представители разных национальностей. Рабочие различных национальностей живут по соседству в одном доме. Наряду с этими новыми явлениями сохраняются некоторые старые традиции и религиозные пережитки в семейной жизни туркменских рабочих. Немало еще семей, в которых соблюдаются мусульманский пост «ураза» и традиционный праздник «курбан-байрам»¹¹. Сохранились также традиционные туркменские обряды, связанные с рождением и воспитанием детей и свадьбой.

В вопросах воспитания детей привычные взгляды и обычаи значительно изменились. Прежде у туркмен лишь рождение мальчика вызывало большую радость, а появление девочки встречали равнодушно. Среди туркмен были распространены многочисленные рассказы и поговорки, в которых отражались их взгляды на рождение мальчика и девочки: «Сын — это богатство, дочь — обуза» и т. п. Рождение девочки в семье никогда не отмечалось, а в честь новорожденного мальчика устраивали торжество, так называемый «оглу той» (празднество сына).

В настоящее время при воспитании детей в туркменской рабочей семье изжито неравноправие девочек. Внимательное отношение родителей к детям, повседневные заботы об их регулярном питании, опрятной одежде, создание им дома всех условий для выполнения школьных заданий — все это является результатом общего подъема культурного уровня туркмен. Более 230 детей рабочих-туркмен учатся в русской школе; русский язык для школьников стал вторым родным языком. Многие дети воспитываются в яслях и детских садах, школьники участвуют в различных кружках. В школах Небит-Дага и его окрестностей учатся более 5760 детей из них 2687 — туркмены¹². В первой половине 1956 г. в

⁹ Материалы Небитдагского городского отдела народного образования за 1957 г.

¹⁰ Газ. «Вышка», 25 ноября, 1956 г.

¹¹ Интересно отметить, что иногда в первые дни ураза по вечерам группы мальчиков и девочек с песнями обходят дома, и их одаривают деньгами, лепешками, сладостями.

¹² Материалы Небитдагского городского отдела народного образования за 1958 г.

Небит-Даге и его поселках более 50 многодетных матерей были награждены орденами и медалями¹³.

Хотя культурный уровень туркмен-рабочих Небит-Дага непрерывно повышается, все же в их среде еще наблюдается бытование некоторых старых обрядов, распространенных в прошлом.

По предписанию ислама в день, когда родится мальчик, приглашали муллу или кого-нибудь другого из духовных лиц для чтения молитвы «азан» в честь новорожденного. Азан должен был совершаться днем. Иногда, по сообщению стариков, он совершался даже при рождении девочки, если ее родители были представителями духовенства, богатыми людьми или супругами, долго не имевшими детей.

На сороковой день после рождения ребенка, независимо от его пола, 8—10-летние девочки и мальчики из рода отца ребенка несли его на руках показывать соседям. Этот обычай назывался «чилден чыкармак» (выходит из чилле)¹⁴. Первые сорок дней, по старинным поверьям туркмен, ребенок подвергается различным опасностям со стороны «джинов», «арвахов» — злых духов, которые якобы приносят новорожденному различные беды.

При появлении первых зубов у ребенка — безразлично мальчика или девочки — жена одного из родственников его отца (енге) и какая-нибудь пожилая женщина брали его на руки и обходили до семи домов соседей. Затем возвращали ребенка матери, которая заранее приглашала к себе соседей на так называемый «дишлик той» (празднество зуба). Ребенка клали на пол посреди комнаты. Енге или тетка с материнской стороны (дайза) посыпала голову ребенка жареной пшеницей (говурга), а присутствующие подбирали ее. Этот обряд выполнялся для того, чтобы, по поверью туркмен, зубы у ребенка в будущем были крепкими, острыми. В «празднестве зуба» принимали участие дети, девушки и замужние женщины.

«Гулпак той» (празднество косичек) проводилось через два года после рождения ребенка. Церемония стрижки первых волос называлась «чилле сач» (косы чилле); по обычаю, стрижку производил дядя с материнской стороны (дайы). На следующий день родители устраивали небольшое угощение.

«Суннет» (обрезание) производили, когда мальчику исполнялось пять, шесть, но не более семи лет. После обрезания мальчик у туркмен считался вполне взрослым, хотя, по шариату, мальчик взрослым считается с 12 лет.

Довольно устойчиво эти старые обряды держатся в среде рабочих-туркмен, живущих в Казахауле и Туркменауле, а также среди сельского населения окрестностей Небит-Дага.

Еще в начале XX в. выдача замуж девочек, достигших возраста 9—12 лет, была обычным явлением. Об этом свидетельствуют собранные нами материалы, в частности биографии некоторых туркменок. Мальчиков женили в возрасте 12—15 лет. Выбор жениха или невесты и сговор о браке осуществлялся их родителями. Иногда брак заключали до рождения детей или когда они были еще младенцами. Существовали обычаи «телпек ника» (венчание с шапкой жениха), «дакма» (левират), сорорат. У туркмен-иомудов не была распространена, как, например, у каракалпаков, родовая экзогамия¹⁵. И сейчас разрешается и даже рекомендуется кросскузенный брак — между двоюродными, троюродными

¹³ Материалы отдела социального обеспечения Небитдагского горисполкома за 1956 г.

¹⁴ Чилле — сорокадневный период после рождения ребенка; в течение этого периода строго соблюдался ряд запретов и обрядов, существовавших у туркмен, как и у других народов Средней Азии и Кавказа.

¹⁵ См. Т. А. Жданко, Быт каракалпакского колхозного аула, «Сов. этнография», 1949, № 2, стр. 53.

Рис. 7. Свадебное празднество в Небит-Даге

Фото Ю. А. Аргиропуло

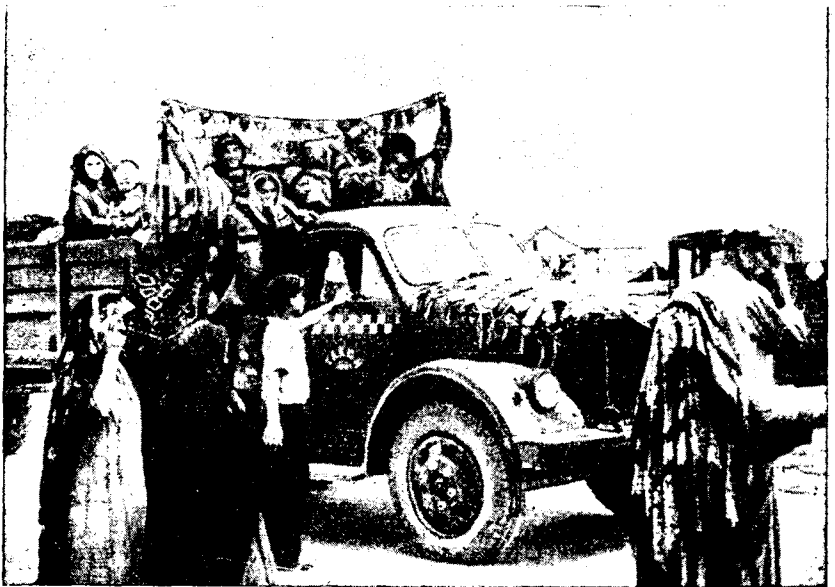

Рис. 8. Свадебный поезд. На головной машине — традиционные свадебные украшения «две башлык» и «две халык». Девушки на машине держат «кеджебе»

Фото Ю. А. Аргиропуло

братьями и сестрами. Такой брак больше распространен среди иомудов-джафарбайцев, чем иомудов-атабайцев.

В настоящее время юноши и девушки вступают обычно в брак свободно, по взаимному согласию и любви.

Традиционный свадебный обряд до сих пор повсеместно соблюдается; у иомудов-джафарбайцев он несколько отличается от обрядов, существующих у других туркменских групп, в том числе и у родственных джафарбайцам иомудов-атабайцев. Наряду со старинной обрядностью в современной свадьбе наблюдаются новые черты: большее участие девушек в свадьбе, исполнение русских и азербайджанских песен и плясок и т. д. Интересно, что невесту теперь увозят из родительского дома к жениху не на лошади или верблюде, как это было раньше, а большей частью на автомобиле (причем приезжают за ней нередко на двух-трех автомашинах, легковых такси, мотоциклах). Радиатор автомобиля невесты иногда украшают покрывалом «две башлык», с борта кузова свешивают ковровую сумку «две халык», а девушки, стоя над кузовом, держат растянутый богато расшитый полог «кеджебе» (рис. 8); в этом можно видеть трансформацию старинного обычая увозить невесту в шатре, укреплявшемся на спине верблюда и носившем то же название — кеджебе.

Одним из центральных моментов свадьбы иомудов-джафарбайцев являются пляски «зикир»¹⁶, сопровождаемые пением, которые раньше на свадьбе не исполнялись.

Еще в конце XIX в. зикир исполнялся с целью излечения больного порханами («вызывающий злых духов»). Наличие порханов, как считают многие дореволюционные и советские исследователи, является доказательством существования в прошлом у туркмен шаманства, подвергшегося затем сильному влиянию ислама¹⁷. Порханы (как и «баксы» у казахов, «фолбин» у узбеков) своими заклинаниями призывали джиннов, пери, с помощью которых якобы могли выявить причину болезни и средства лечения больного, в частности — душевнобольного; они занимались также предсказанием судьбы человека. Теперь зикир потерял прежнее значение, и эти танцы исполняются в рабочей среде во время свадеб, вечеринок и других семейных и даже общественных праздников молодежью обоего пола.

На свадьбах иомудов-джафарбайцев наблюдаются и другие традиционные обычаи и обряды. Когда прибывшая к жилищу жениха невеста и сопровождающие ее лица подходят к «оругей ой» (дому одного из родственников жениха, отведенному для молодых), участвующая в свадебном празднике молодежь закрывает дверь изнутри и пропускает прибывших только по получении от них подарков. Почти обязательна на свадьбе шуточная борьба (далаш) между гостями со стороны жениха (гелиналиджи — «берущие невесту») и со стороны невесты. Когда гелиналиджи приезжают за невестой, несколько родственниц жениха (йигит енге) входят в дом, где находится невеста, сидящая с закрытым лицом. «Ов енге» (одна из родственниц невесты) вытаскивает из «букджа» (сумки, сшитой в виде конверта из разноцветных кусков материи, куда кладут новую одежду, платки, разные украшения невесты) платок и набрасывает его на невесту. Это служит началом шуточной борьбы между женщинами обеих сторон, в которую затем вступают и мужчины. Такая борьба бытует и у других групп туркмен.

Почетное место на свадьбе занимает национальная борьба — «гореш». Глашатаи — «жарчи» заранее объявляют о предстоящей борьбе, на ко-

¹⁶ Слово «зикир» — арабского происхождения и означает также радение дервишей (см. Турецко-русский словарь, М., 1945, стр. 590).

¹⁷ См. К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, Труды Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 412; С. П. Толстов, Религия народов Средней Азии, Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. I, М., 1931, стр. 260.

торую собирается много зрителей. Гореш начинается в день, когда привозят невесту в дом жениха. В этой борьбе теперь принимают участие представители различных национальностей, в том числе русские, азербайджанцы, казахи и др. Собравшиеся садятся или становятся вокруг специальной площадки, усыпанной песком. Задолго до начала борьбы родственники, друзья, товарищи жениха приносят различные подарки и отдают их родителям жениха. Фамилию, имя принесшего, а иногда и название его рода заносят в особый список. Иногда по просьбе принесшего отмечают имя того борца, которому в случае победы должен быть отдан приз. Роль почетных судей исполняют четверо пожилых мужчин. Гореш продолжается 4—5 часов. Победителей награждают деньгами, шерстяными и шелковыми платками, цветными тканями, иногда мелким рогатым скотом.

Большую роль в свадебных церемониях иомудов-джафарбайцев играет «мусаиб»¹⁸, близкий по своим функциям к «дружке» в русской свадьбе. Мусаиб всюду сопровождает жениха и должен во всем помогать ему, чтобы в будущем, на своей собственной свадьбе, получить такую же помощь. Во время свадьбы мусаиб за свой счет устраивает богатое угощение для товарищей жениха, которые приходят к нему в течение трех дней свадебной церемонии. В случае, если кто-нибудь из братьев или родственников-мужчин невесты предъявит какие-либо претензии, когда представители жениха придут за ней, мусаиб должен успевать их, делать им подарки (деньги, туфли, костюм и т. п.). После возвращения новобрачной в дом своих родителей мусаиб заходит за ней и зовет ее к мужу, который скрытно от родственников и родителей жениха встречается с ней. Существование мусаиба, как и танцев зикир, зафиксировано среди туркмен только у иомудов-джафарбайцев. Можно предполагать, что функции мусаиба являются пережитком древних форм брачных отношений, но этот вопрос требует дальнейшего исследования с привлечением этнографических данных по другим народам.

Сейчас редко встречаются такие обычаи, как «кайтарма» (возвращение невесты на определенное время в родительский дом), «гизленмею» (избегание зятем и невесткой старших родственников) и т. д. Изжит в быту рабочих-туркмен и калым. Однако наблюдаются случаи, когда калым берется в скрытой форме, в виде «подарка» со стороны семьи жениха, достигающего иногда крупной суммы в несколько тысяч рублей.

Как ни велики изменения, происшедшие в семейном быту рабочих-туркмен, преодоление вредных пережитков в их семейно-бытовом укладе еще не завершено. Их поддерживает чаще всего старшее поколение. Со всем этим ведется борьба путем массовой научно-просветительной и воспитательной работы, но, видимо, недостаточно активно. Очевидно, однако, что это наследие прошлого при надлежащем отношении советской общественности не сможет долго сохраняться в среде рабочих-туркмен.

¹⁸ Термин «мусаиб» — арабского происхождения и означает «приятель», «товарищ», «собеседник». См. Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарского наречия, т. II, СПб., 1871, стр. 235.